

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ФИНАНСОВЫХ РЕСУРСОВ

© 2015 Тарасов Алексей Владимирович

кандидат экономических наук

Воронежский государственный университет
394006, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1

E-mail: tarasovalex@rambler.ru

Экстраординарная устойчивость некоторых неэффективных норм поведения хозяйствующих субъектов в экономике способна нарушить воспроизводство финансовых ресурсов в масштабе всей страны. В отношении данного явления современная экономическая теория оперирует понятием “институциональные ловушки”. В статье рассматриваются различные взгляды на природу феномена, а также дается его интерпретация с позиции авторской концепции саморазвития финансовых ресурсов. Это позволяет заложить базу для последующего анализа экономических интересов, приводящих к образованию институциональных ловушек, чтобы затем разработать наиболее действенные механизмы их преодоления.

Ключевые слова: экономические интересы, финансовые ресурсы, воспроизводство, эффективность, институты, институциональные ловушки.

Эмпирически установлено, что при доминировании у экономических агентов краткосрочных интересов возникает ситуация, когда все субъекты перестают быть заинтересованными в создании условий, необходимых для разрешения противоречий, лежащих в основе воспроизводства финансовых ресурсов. Соответственно, указанные условия не создаются, эффективность воспроизводства финансовых ресурсов снижается. Нарушается общественное воспроизводство, но, тем не менее, субъекты продолжают придерживаться прежней неэффективной модели поведения, направленной на присвоение различного рода рент.

Явление парадоксальной устойчивости неэффективных норм поведения в экономике привлекло в последние 10-15 лет пристальное внимание многих экономистов, занимающихся изучением экономических процессов в странах с переходной экономикой. Так, благодаря В.М. Полтеровичу, феномен получил название “институциональной ловушки”¹. Таким образом, можно утверждать, что нарушение воспроизводства финансовых ресурсов той или иной экономической системы связано с действием институциональных ловушек.

Закрепление неэффективных норм, по В.М. Полтеровичу, происходит в том случае, если транзакционные издержки (издержки использования нормы) уменьшаются, а трансформационные (издержки отказа от одной нормы и перехода к другой норме), наоборот, увеличиваются. На зак-

репление норм большое влияние оказывают три эффекта: эффект координации - массовость использования нормы. Чем больше субъектов использует норму, тем меньше транзакционные и больше трансформационные издержки; эффект сопряжения, связанный с взаимной зависимостью норм, в том числе неэффективных, умножающей издержки трансформации; эффект культурной инерции - нежелание агентов менять стереотипы поведения.

В.М. Полтерович пишет: “Имеются основания полагать, что институциональные ловушки чаще всего оказываются устойчивыми лишь в среднесрочных периодах и что экономические системы постепенно вырабатывают механизмы, способствующие выходу из неэффективных равновесий”².

Для формирования институциональных ловушек важное значение имеет рентоориентированное поведение (перераспределительная активность) субъектов хозяйственной деятельности. Так, высвобождающаяся в результате реформ переходная рента вызывает интенсификацию перераспределительных процессов. “После каждого нового периода преобразований экстраординарные источники переходной ренты постепенно исчерпываются, формируется новая элита, заинтересованная в сохранении нажитого богатства, а значит, в стабильности и законности. Создаются условия для восстановительного роста. Однако

сформировавшаяся в результате подобных реформ система быстро исчерпывает свой потенциал и вновь оказывается неэффективной, не способной ни к саморазвитию, ни к адекватной реакции на внешние шоки. Она требует дальнейшего реформирования, что, в свою очередь, активизирует процессы перераспределения в ущерб росту производства⁷³. Таков, по В.М. Полтеровичу, механизм формирования ловушки институциональной отсталости.

Итак, по В.М. Полтеровичу, причина существования институциональных ловушек заключается: во-первых, в невыгодном соотношении транзакционных и трансформационных издержек; во-вторых, в психологических особенностях субъектов - консервативности поведения; в-третьих, в рентоориентированном поведении. При этом институциональные ловушки существуют только в среднесрочном периоде.

Последний тезис хорошо согласуется с нашей концепцией саморазвития финансовых ресурсов⁴, предсказывающей эволюционное (т.е. постепенное и неизбежное в перспективе) разрешение противоречий воспроизводства исследуемой категории. Однако причины существования институциональных ловушек, на наш взгляд, более глубоки, нежели описывает В.М. Полтерович.

С одной стороны, институт-ловушка признается автором неэффективным, с другой - транзакционные издержки его функционирования оказываются меньше, чем у эффективного. Но тогда непонятно, на основании чего он признан неэффективным?

Мы считаем, что эффективность есть способ существования экономического интереса. Она подчиняет деятельность экономического субъекта, способствуя реализации его потребностей. Поэтому те примеры неэффективных институтов, которые приводит автор (коррупция, бартер, теневая экономика) для действующих в их рамках субъектов являются как раз эффективными в неоклассическом понимании данной категории. Благодаря коррупции чиновники легко богатеют, а предприниматели быстро решают свои вопросы. Бартер в 1990-х гг. давал возможность бизнесменам не останавливать экономическую деятельность, несмотря на отлив денежной массы из хозяйственного оборота в пирамиду ГКО. Теневая экономика позволяет субъектам удовлетворять потребности, которые невозможно было бы реализовать легально.

В данной связи нельзя не согласиться с И.А. Руденковым, который полагает, что вопрос обоснования эффективности институтов до сих пор остается открытым. Автор считает: «Отсутствие научно обоснованных критериев выбора эффективных институтов для реализации экономической политики государства является одной из главных причин возникновения так называемых институциональных ловушек⁷⁵».

Также не вполне понятен подсчет транзакционных издержек функционирования неэффективных, по мнению В.М. Полтеровича, институтов. В отличие от низких издержек основных субъектов неэффективных институтов, социум несет огромные потери от их функционирования. Коррупция подрывает принципы честной конкуренции, лишает общество возможности потреблять товары и услуги максимального качества действительно лучших производителей. У работников происходит атрофия мотивации к честному и высокопроизводительному труду. Теневая экономика приводит к снижению налоговых поступлений в бюджет, которые можно было бы использовать на цели расширенного общественного воспроизводства, повысив уровень удовлетворения потребностей всех граждан страны.

Вопрос вызывает и предлагаемый В.М. Полтеровичем механизм закрепления неэффективных норм - сравнение субъектами транзакционных издержек с трансформационными. Транзакционные издержки суть текущие затраты функционирования института. Они по определению непрерывны и распределены во времени в течение всего срока жизни института. Трансформационные издержки (издержки замены института) - фиксированные и разовые. Каким образом можно сравнить непрерывную величину на неизвестном плановом горизонте с фиксированной - не вполне ясно. По логике, для этого непрерывную текущую величину необходимо зафиксировать. Но тогда возникает вопрос: на каком временном интервале? Ответ автор не дает.

Представляется, что основная причина существования институциональных ловушек - в противоречии экономических интересов субъектов хозяйственной деятельности. Тогда все аспекты институциональных ловушек, указанные автором, хорошо укладываются в этот тезис.

Субъекты осуществляют прогнозирование своей деловой стратегии на период, определяемый их доминирующими экономическими инте-

ресами. В случае превалирования краткосрочных интересов на коротком промежутке времени накопленные транзакционные издержки функционирования неэффективного института, действительно, будут низкими и не превысят трансформационные. Но на длительном временном промежутке (при доминировании долгосрочных интересов) субъектами будет зафиксирована значительно большая величина транзакционных издержек, сравнение которой с трансформационными издержками будет не в пользу последних, ввиду чего появится стимул к замене неэффективного института более эффективным, в терминологии автора.

Психологические особенности субъектов хозяйственной деятельности (имеется в виду консерватизм), по нашему мнению, также не играют ключевой роли в формировании институциональных ловушек. Гораздо большее значение здесь имеет наличие конкурентной среды. В условиях конкуренции нет места косности и застарелости. Только быстрое реагирование на изменение рыночной конъюнктуры и предпочтений потребителей может помочь фирме остаться на рынке. Консерватизм же характерен для монополистов, которым нет нужды проявлять гибкость. Свою монопольную ренту они получают в любом случае.

Сюда же следует отнести и рентоориентированное поведение, которое представляет собой не что иное, как доминирование краткосрочных интересов над долгосрочными. Об этом пишет Е.А. Бренделева: "...одной из основных причин появления институциональных ловушек выступает расхождение краткосрочных и долгосрочных интересов экономических агентов и сочетания моделей поведения, сформированных на основе этих интересов, с экономической эффективностью"⁷⁶.

На точке зрения Е.А. Бренделевой следует остановиться подробнее. Автор считает, что в переходной экономике меняется система базовых ценностей общества: происходит переориентация с долгосрочной модели поведения на краткосрочную. В условиях, когда невозможно планирование из-за высокой неопределенности и социальной дестабилизации, долгосрочная модель поведения приносит только убытки, а прибыльные краткосрочные посреднические сделки, наоборот, становятся очень выгодными. На них и начинают ориентироваться экономические агенты, отказываясь от модели, основанной на долгосрочных интересах. В России в 90-х гг. прошлого века

переориентации на краткосрочные интересы также способствовали многочисленные финансовые пирамиды, подозрительные банки и фонды, предлагающие аномально высокий процент и проводящие сомнительные сделки. Разрушение долгосрочной модели поведения происходило одновременно с разрушением института доверия к государству, системе права, партнерам и, наконец, к соседям, друзьям, родственникам⁷⁷.

Автор видит два варианта выхода из институциональных ловушек: эволюционный и революционный. В первом случае условия выхода формируются самой экономической системой, например, разрушению институциональной ловушки может способствовать ускорение экономического роста, системный кризис и т.д. Во втором случае ликвидация и замена неэффективной нормы происходят насильственным путем, в результате реформ, предусматривающих изменение культурных ценностей общества и проводимых, в частности, государством или от его имени отдельными группами интересов.

Из точки зрения автора на институциональные ловушки следует несколько важных выводов. Во-первых, причинами ловушек являются противоречия краткосрочных и долгосрочных интересов. Во-вторых, ловушки исчезают эволюционно, т.е. вследствие саморазвития экономических систем. Что касается предлагаемого автором революционного варианта выхода из институциональной ловушки, то представляется, что изменение ценностей общества - процесс довольно длительный. Революционное же преобразование - быстрое изменение условий хозяйствования. В основе этих изменений лежит коренная трансформация отношений собственности. Поэтому, по нашему мнению, говорить о выходе из институциональной ловушки, не прибегая к трансформации отношений собственности, возможно только в эволюционном контексте.

Глубокое исследование институциональных ловушек провела М.Ю. Малкина. Автор выделяет шесть ловушек инновационного развития, свойственных современной России: психологическую неготовность, рентоориентированное поведение, догоняющее развитие и копирование, нежелание бизнеса инвестировать средства в свое развитие, ловушки системы общественных финансов, имитация инновационной деятельности⁸.

М.Ю. Малкина отмечает, что ловушкой является и некомплементарность институциональ-

ной среды инновационной деятельности, отсутствие в ней организационного единства. Несмотря на то, что у любой системы есть потенциал к самоорганизации из хаоса, т.е. способность к саморазвитию, он не всегда активно реализуется. В то же время, по мнению автора, “этот потенциал может быть усилен, и его работа ускорена, благодаря соответствующей поддержке со стороны внутреннего управляющего механизма, который в некотором смысле должен “понимать” и превосходить логику “оформления” инновационной системы, достраивая отдельные кластеры и интегрируя их в общий механизм”⁹.

Какие же автор видит пути выхода из институциональных ловушек? В качестве краткосрочного решения предлагается создание преференциальных зон, благоприятных для инновационного предпринимательства, в которых институциональным ловушкам должны быть созданы мощные институциональные альтернативы. Ярким примером такой зоны является “Сколково”.

В долгосрочном же плане автор призывает к формированию базовых условий для развития предпринимательства, защиты прав собственности, поддержки добросовестной конкуренции, борьбы с чиновничьим произволом, взяточничеством и некомпетентностью. Также необходимо совершенствование инновационной инфраструктуры и международной научной кооперации. Помимо этого, важными элементами новой институциональной среды должны стать меры экономической политики по стимулированию инноваций и усилия по формированию в обществе инновационной идеологии и культуры инновационного предпринимательства.

Выделенные М.Ю. Малкиной институциональные ловушки могут быть структурированы посредством концепции саморазвития финансовых ресурсов.

Так, рентоориентированное поведение может возникать на всех фазах воспроизводства финансовых ресурсов и выступает проявлением действия противоречивых краткосрочных экономических интересов, нацеленных на удовлетворение непродуманных потребностей субъектов.

Ловушка догоняющего развития и копирования и ловушка имитации инновационной деятельности возникают в фазе формирования финансовых ресурсов и обусловлены неразрешенным противоречием между безграничностью потребностей и ограниченностью ресурсов. А оно, в свою

очередь, не разрешается ввиду обострения противоречия экономических интересов по внедрению в хозяйственную практику достижений НТП.

Ловушка нежелания бизнеса инвестировать средства в свое развитие зарождается в фазе использования финансовых ресурсов и обязана своим существованием неразрешенному противоречию между производственным и непродуманным потреблением. Последнее обостряется в том случае, если не разрешается противоречие экономических интересов по созданию условий, приближающихся к совершенной конкуренции.

Ловушка системы общественных финансов формируется в фазе обмена и распределения, а также в фазе накопления финансовых ресурсов и обусловлена противоречиями асимметрии информации и недостаточной спецификации прав собственности. Их обострение находится в прямой взаимосвязи с конфликтами интересов в отношении улучшения информационной прозрачности деловой среды и повышения спецификации прав собственности.

Что же касается ловушки психологической неготовности, о которой пишет М.Ю. Малкина, то, по нашему мнению, данное явление имеет субъективную природу, и его не следует смешивать с институциональными ловушками как таковыми, причинами которых являются объективные противоречия краткосрочных и долгосрочных экономических интересов.

Итак, институциональные ловушки возникают в верхнем слое экономического базиса, и рассматривать их следует в рамках концепции саморазвития финансовых ресурсов в разрезе фаз этого процесса. Их появление обусловлено противоречиями краткосрочных и долгосрочных экономических интересов субъектов хозяйственной деятельности. Поэтому для выхода из институциональных ловушек необходима управляемая трансформация краткосрочных экономических интересов в долгосрочные.

Мы считаем, что основными институциональными ловушками, действующими в современной российской экономике, являются: 1) ловушка технологической отсталости; 2) ловушка информационной закрытости; 3) ловушка слабой спецификации прав собственности; 4) ловушка монополизации экономики. Данные ловушки формируются в соответствующих четырех фазах воспроизводства финансовых ресурсов (см. таблицу).

Институциональные ловушки воспроизводства финансовых ресурсов

Сферы экономики	→	Сфера материального производства	Финансовая сфера		Сфера материального производства
Фаза кругооборота финансовых ресурсов	→	Фаза формирования	Фаза обмена и распределения	Фаза накопления	Фаза использования
Институциональные ловушки	→	Ловушка технологической отсталости	Ловушка информационной закрытости	Ловушка слабой спецификации прав собственности	Ловушка монополизации экономики

Представленная интерпретация институциональных ловушек воспроизводства финансовых ресурсов дает возможность провести их последовательный анализ с целью определения экономических интересов, которые приводят к их образованию. Результаты данного анализа позволят выявить особенности возникновения институциональных ловушек и разработать наиболее действенные механизмы их преодоления.

¹ Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 5-16.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Подробно концепция саморазвития финансовых ресурсов и ее математическое моделирование изложены в следующих источниках: Тарасов А.В. От хозяйственных противоречий к концепции саморазвития финансовых ресурсов // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабже-

ние, Конкуренция. 2013. № 1. С. 237-241; *Его же*. Саморазвитие финансовых ресурсов // Вестн. Института ИТКОР. 2012. № 2. С. 100-105; *Его же*. Математическое моделирование воспроизводства финансовых ресурсов // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2013. № 9 (36), т. 3. С. 422-431.

⁵ Руденков И.А. Институциональные ловушки инновационной политики государства // Социальные факторы устойчивого инновационного развития экономики : тез. докл. II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 22-23 сент. 2010 г.). Минск, 2010. С. 149-150.

⁶ Бренделева Е.А. QWERTY-эффекты, институциональные ловушки с точки зрения теории трансакционных издержек // Экономический вестн. Российского государственного университета. 2006. Т. 4, № 2. С. 42-47.

⁷ Там же.

⁸ Малкина М.Ю. Институциональные ловушки инновационного развития российской экономики // Журнал институциональных исследований. 2011. Т. 3, № 1. С. 51-61.

⁹ Там же.

Поступила в редакцию 02.06.2015 г.